

Моё золотое детство

И вот, в 12 часов 55 минут пополудни (время рождения с точностью до минут указано в Свидетельстве о рождении), за несколько часов до завершения 5691 года по Еврейскому календарю (указано в выданном в Израиле Удостоверении личности - Теудат зеуте), 11 сентября 1931 г. появился на свет я.

Нарекли меня, согласно еврейской традиции, именем ближайшего родственника, покинувшего этот бренный мир последним. В моем случае это был Хаим-Лейб - отец моей матери Розы, умерший в 1921 г. В переводе с еврейского это имясочетание означает "Жизнь и лев". Звать меня стали вторым именем, а с учётом моего малолетства - уменьшительно, т.е. Лейбале (Львёнок). Вскоре для простоты придумали мне ещё и прозвище "Буби" - весьма распространённое в то время среди детей прибалтийской еврейской знати. Как только я "повзрослел" (т.е. годам к пяти-шести), я стал сильно сопротивляться этой кличке, благодаря чему избавил от какого-либо прозвища своего младшего брата: он всю жизнь был Иосиком и только.

Моя мать решила воспитывать меня самостоятельно, без всяких нянь. В связи с этим, она оставила работу и посвятила себя мне и дому. Так как зарплата моего отца это вполне позволяла, то такое её решение можно было только приветствовать.

В качестве жилья мои родители выбрали для себя квартиру в строящемся в тот момент доме по улице Кару 18 рядом с Еврейской гимназией. Хозяином этого дома был некий Рубанович, который был заинтересован в заселении своего дома именно евреями. Дом был трёхэтажным. На каждом этаже были: две большие по площади трёхкомнатные квартиры, одна из которых выходила своими окнами в сад на солнечную сторону, и две малогабаритные двухкомнатные квартиры. Большую солнечную квартиру на втором этаже хозяин строил для себя, приделав к ней ещё и длинный балкон (остальные квартиры не имели балконов). Трёхкомнатную квартиру под ним на первом этаже выбрали себе мои родители, а на третьем этаже в подобной квартире поселилась семья Иосифа Ужванского, старшего брата Вилли. Он был женат на некоей Мирьям Габович. Полагаю, что она была сестрой деда Бори Габовича. Вскоре у них родилась первая дочь Хани, а в 1936 г. вторая Кармелла.

Так как договор о найме этой квартиры мои родители заключили заблаговременно, то они имели возможность выбора вариантов её отделки. Не помню чем именно, но наша квартира по интерьеру заметно отличалась от аналогичной квартиры Ужванских. Например, наши паркетные полы, в отличие от ихних, были разных цветов: в детской пол был тёмнокоричневым, в столовой-гостинной - почти белым, а в спальне родителей - желтоватым.

В доме был большой подвал общего для жильцов пользования. В нём был котёл центрального отопления дома, прачечная (с горячей водой от котла) и холодильник с ячейками для каждой квартиры. Продукты в нём охлаждались льдом

из морской воды, который привозили раз в два дня. Кроме этого для каждой квартиры были предусмотрены вместительные клетушки для хранения разной разности.

Жили мы на первом этаже над подвалом, в котором, кроме холодильника, располагались еще котельная для центрального отопления дома и прачечная. В последней были чаны разных размеров и назначений, в которые можно было наливать горячую воду из котлов, тазы для стирки вручную белья и ручной каток для "глажения" постельного белья и полотенец. Каток представлял собой большой длинный гладкий стол, на нём свободно лежали две круглые палки длиной, равной ширине стола, а поверх них - большой длинный ящик той же ширины, что и стол. Ящик для тяжести был загружен камнями. С каждой стороны (короткой) к ящику были приделаны ручки. Процесс "глажения" происходил следующим образом: тяжелый ящик сдвигался в одну сторону, используя для этого одну из палок как каток, после чего на вторую палку наматывалась штука какого-либо белья (например, простыня). Затем ящик передвигался в противоположную сторону и другая штука белья наматывалась на вторую, освободившуюся теперь палку. После этого ящик водворялся на место на оба катка и путем передвижения его вперед -назад вдоль стола и происходил сам процесс "глажения". Когда я был маленький, я очень любил забираться в этот ящик на камни и кататься в нём, пока хозяйки (или их домработницы) "гладили" белье. Но когда я подрос, мне перестали это разрешать. "Глажение" обычно проводили две семьи одновременно, сговорившись заранее помочь одна другой.

При доме был довольно большой роскошный сад с ягодными кустами (крыжовника и смородины трёх видов) и фруктовыми деревьями (яблонями, грушами и сливами). С помощью фабрики Мейера в саду была построена красивая ажурная деревянная беседка, а позднее усилиями моего отца - большие качели, на которых одновременно могли качаться до десяти человек (взрослых). В этом саду праздновались все наши детские дни рождения.

Наконец, в ноябре 1932 г. состоялось долгожданное заселение дома, и наша семья въехала в облюбованную ею квартиру.

Помимо уже упомянутых мною трех комнат, в квартире была ещё и четвёртая: комната-каморка, предназначенная для проживания прислуги. Кухня в квартире была маленькой, длинной и узкой. В ней была четырёхкомфорная дровяная плита с вместительной духовкой, оказавшейся очень хорошей. Ещё в плиту с краю был вделан большой прямоугольный водяной бак, так что всегда была под рукой горячая вода для мытья, например, посуды. Был в кухне холодный (т.е. сообщавшийся с наружным воздухом) шкаф, так называемая шофрейка. Были в обиходе и шумный примус, и бесшумный керогаз. А позднее провели нам и обычный бытовой газ - появилась в кухне ещё и двухкомфорная газовая плита. Была в квартире и ванная с дровяной колонкой-титаном. Располагалась она между детской и столовой. В ванную был ещё и второй вход с кухни, для того, чтобы прислуга могла растопить титан, не беспокоя хозяев. Ещё было два туалета: один напротив ванной комнаты, другой - с входом из прихожей.

Довольно скоро в квартире появились телефон, радиоприёмник (хотя и устаревшей конструкции) и патефон - самая любимая мною впоследствии вещь в

доме. Патефон был английского производства высотой метра полтора. Нижняя его часть служила шкафом для пластинок. Выше располагалось нечто, оформленное тоже в виде шкафчика и служившее для регулирования громкости звука путем степени открывания его дверец. В нём же помещалась и пружина, приводившая во вращение диск с пластинкой. Последние располагались наверху всего этого сооружения и закрывались крышкой. Звукосниматель был очень высокого качества и обеспечивал воспроизведение чистейшего звука, намного превосходящего по звучанию адаптеры советских радиол 50-х годов.

Я умышленно так подробно описываю нашу квартиру 30-х годов, чтобы подчеркнуть пропасть между жизненным уровнем людей в тогдашней Эстонии и в Советском Союзе того времени. В Эстонии такое жильё было доступно явному большинству работающих специалистов с умеренными по численности семьями. В Союзе же такое имели, разве что, единицы, да в основном, не те, которые заработали его своим трудом.

С моим рождением произошло кардинальное изменение в отношениях, между моими родителями и родителями моего отца. Я был их первым внуком и, наверное, именно поэтому - самым любимым в то время для них существом на свете.

Не сумев в своё время воспрепятствовать браку моих родителей, Рива и Мейер решили взяться за "перевоспитание" моей матери из простушки-плебейки в аристократку, т.е. в человека их круга. Первые годы моя мать сопротивлялась, но со временем, сдалась. Отец мой был очень недоволен произошедшей с матерью метаморфозой: он с горечью наблюдал, как его горячо любимая бесхитростная простая по натуре жена под влиянием свекрови стала постепенно превращаться в аристократическую простушку. Тем более, что та новая "наука" давалась моей матери с большим трудом. Кроме того, это увлечение не могло не отразиться на её взаимоотношениях с мужем, с моим отцом.

Первым шагом к аристократизации нашей семьи было требование: прекратить собственноручно заниматься повседневными домашними делами. Для этого, мол, в "нормальных" домах существует прислуга. Если у вас не хватает денег - мы для этой цели их вам дадим. От подачи своих родителей мой отец, конечно, отказался, но прислуга в нашем доме всё же поселилась.

Первой из них была очень молодая по возрасту крепкая русская девушка по имени Нюра. Была она у нас сравнительно недолго, года два и как прислугу я её не помню. Но спустя несколько лет, в 1938 г. она пригласила нас на свою свадьбу. Она считала мою мать - первую работодательницу в её жизни, человеком, давшим ей, как бы, путёвку в жизнь. В частности, эта путёвка имела и материальное выражение - в виде отличных, вполне заслуженных этой Нюрой рекомендаций. Кроме того, моя мама много занималась повышением уровня её весьма низкого до того образования. Мы с мамой присутствовали на венчании Нюры в русской церкви, что на улице Вене. Сам обряд произвёл на меня тогда очень сильное впечатление, особенно в сравнении с виденной мною незадолго до этого сверх скромной свадебной хупой моей тети Муси - старшей сестры моей матери.

Нюру в нашем доме сменила другая прислуга - эстонка лет 50 по имени Марие. Со временем она стала практически членом нашей семьи, очень уважала моих родителей и искренне любила нас - детей. Круг её обязанностей был весьма обширен: с утра - подать завтрак уходящему на работу отцу, затем приготовить и

подать завтрак остальным членам семьи, убрать и помыть всё за нами, сходить в расположенный напротив нашего дома магазин за продуктами, вытереть везде в квартире пыль, подмести в комнатах паркетные полы, помыть в санузлах, кухне и коридоре полы, затем приготовить и подать обед, а вечером - ещё и ужин. Тем не менее, она была вполне довольна своей судьбой, очень привязалась к нашей семье и когда настало время с нею расстаться (1940 г.) она готова была работать у нас бесплатно, лишь бы не остаться одной в новой пугающей её обстановке. Но в тех условиях это было уже, конечно, невозможно.

Вторым шагом Ривы и Мейера стало требование о необходимости привлечения к воспитанию меня (т.е. их отпрыска) гувернантки, как это было тогда принято во всех аристократических семьях. Здесь мои родители сопротивлялись несколько дольше, но когда в перспективе появился мой братик Иосик, они сдались.

Так, где-то в конце 1934 г., в нашем доме поселилась еще и немка лет 55 - воспитательница для меня, а позже и нянька для родившегося вскоре Иосика. Я её невзлюбил с первых дней, инстинктивно чувствовал её равнодушие к детям вообще. Не нравилось мне и её пренебрежительное отношение к нашей очень уважаемой мною кухарке Марие, и то, что она повадилась таскать кусковой сахар из буфета нашей столовой, что мне, например, было строжайше запрещено. Антисемиткой её нельзя было назвать, но она была яростной приверженкой только что пришедшего к власти в Германии Гитлера. И когда последний обратился с "историческим" воззванием ко всем проживавшим в то время вне Германии немцам вернуться на родину, наша гувернантка немедленно нас покинула и уехала в Германию, бросившись, как бы, в объятия горячо любимого ею фюрера.

На место удравшей в Германию Fraulein Neuman (так звали нашу первую гувернантку) была взята в дом другая более молодая, тоже, естественно, немка, но уроженка и гражданка Эстонии, не собиравшаяся никуда уезжать. Звали её Fraulein Erner. Основной её заботой был, конечно, маленький Иосик, так что до меня у неё и руки не доходили, чему я был весьма рад. Уж какие они там были воспитатели, эти гувернантки, но главную свою задачу они выполнили: малыш Иосик был всегда ухожен, а я научился свободно говорить по-немецки (на детском, конечно, уровне) и прочитал в подлиннике кучу немецких сказок. Мог говорить по-немецки и Иосик. Но к началу 1939 г. мода на немок-гувернанток в еврейских домах по понятным причинам прошла и вскоре наша семья рассталась с ними. С их уходом мы с Иосиком, к сожалению, постепенно потеряли и немецкий язык, так как в дальнейшей жизни нам с ним сталкиваться не пришлось.

А мама наша, освободившись с появлением в доме няней от повседневных забот как по воспитанию нас - детей, так и по дому (всё прекрасно делала Марие сама, при этом "важные проблемы", как, например, меню обеда, обсуждала только с отцом), всецело занялась изменением своего имиджа. Под руководством приставленных к ней свекровью новых "подружек" она пыталась стать светской дамой. Удавалось это ей не очень, порой выглядело даже карикатурно, но мать упорно шла к своей цели, несмотря на явное неудовольствие этим отца. И это при том, что она беззаветно его любила. Отец был для матери всем: и непререкаемым авторитетом во всех остальных вопросах, в прямом смысле - руководителем её жизни; и лучшим на свете другом, и единственным горячо любимым ею мужчиной. И тем не менее, вторая половина 30-х годов прошла для матери в праздности и бездельи. Позднее ничего путного из своего времяпровождения в те годы она вспомнить не смогла. Поэтому не удивительно, что в том моём золотом детстве наиболее светлые воспоминания связаны у меня с

отцом, особенно с теми периодами, когда у них с матерью бывало полное душевное единение. Такое бывало, например, когда наша семья на лето снимала где-нибудь за городом дачу, и отец еженедельно проводил почти два дня с нами. Дачи мы снимали каждый год в разных местах: в 1937 г. - в Меривяльях, в 1938 г. - в Клоога, а в последнем, т.е. 1939 г. - в Хаапсалу. На выходные дни часто приезжали друзья моих родителей. Приезжали пару раз и бабушка с дедушкой. Для меня всё это были праздники.

Между собой с Иосиком мы неплохо ладили, ссорились редко, но задушевными друзьями никогда не были. Сказывалась, конечно, и достаточно большая разница в возрасте: в детстве он был мне мало интересен. В грудном возрасте крикун Иосик меня просто раздражал. Балдел я тогда только от весёлых «спектаклей», которые он устраивал во время купания его в ванне. В чуть более старшем возрасте мы часто хорошо вместе играли. Но этим, пожалуй, наши взаимоотношения и ограничивались.

А отец в этот период, в отличие от матери, вкалывал по 12 часов в день без отпусков. Выходной у него был только один в неделю, ну и в субботу рабочий день был укорочен. К 1935 г. оклад отцу был поднят до 500 крон в месяц (для сравнения, средний оклад работника-специалиста в Эстонии того периода был на уровне 100 крон, а зарплата министра - 700 крон). Но и круг обязанностей у отца был велик. На нём лежала организация и руководство всем производственным процессом лесопильной фабрики, с приёмки от поставщиков сырых брёвен, до отправки получателю заказанных им пиломатериалов. Когда в 1935 г. Мейер продал эту свою Таллиннскую лесопилку некоему Торву, в условии договора о продаже фабрики он включил пункт-обязательство нового хозяина: ни при каких обстоятельствах не увольнять моего отца и не понижать ему оклад. Господин Торв очень ценил отца и полностью выполнил этот пункт договора.

Но, несмотря на свою занятость на фабрике, отец был вынужден взвалить на себя ещё и большую общественную работу.

Дело обстояло так. С конца 20-х годов во многих странах Европы стали создаваться еврейские спортивные общества "Маккаби" и проводиться международные соревнования - "Маккабиады". Не хотела отставать в этом деле и Эстония. Вскоре удалось создать и здесь спортивное общество "Маккаби", нашлись и спонсоры, и спортсмены. Но, как это обычно бывает, особенно у евреев, начались разногласия. Спонсоры - богатая верхушка еврейской общины Эстонии - были все сионистами и требовали, чтобы функционирующее на их деньги спортивное общество имело политическую направленность и занималось ещё и воспитанием еврейских спортсменов в сионистском духе, готовя из них граждан будущего еврейского государства Палестины. Спортсмены же - простые еврейские парни и девушки,

были далеки от политики и, за редким исключением, вообще не помышляли о переезде из Эстонии куда-либо. Они настаивали, чтобы "Маккаби", в лучших традициях Олимпийского движения, оставалось вне политики. Возник нешуточный конфликт, никто не хотел уступать, и спортобщество оказалось на пороге своей самоликвидации. Чтобы спасти положение, нужен был новый руководитель "Маккаби", "двуликий" человек, способный примирить обе конфликтующие стороны. Единственным возможным кандидатом на эту роль оказался мой отец: с одной стороны, он сын одного из главных спонсоров "Маккаби" сиониста Мейера Юдейкина, а с

другой - известный еврейской молодежи Эстонии, как свой трудящийся парень с демократичными левыми убеждениями. Фокус удался. Отец сумел успокоить как спонсоров (наобещав им всё, что те хотели), так и своих друзей, убедив их, что эстонское "Маккаби" останется вне политики. Так, с начала 1935 г. и до самой советской оккупации отец был бессменным председателем спортобщества "Маккаби" Эстонии. Организаторских способностей отцу было, как говорится, не занимать. Он привлёк к работе в "Маккаби" хороших тренеров эстонцев, существенно улучшил материальную базу общества (хорошо "подоив" для этого строптивых ещё недавно спонсоров). За короткое время почти в два раза выросло число спортсменов, заметно улучшились и их достижения. Так, "Маккабисты" успешно выступали на многих внутриэстонских соревнованиях, не раз занимали призовые места на "Маккабиадах" в Европе, а по количеству участников (в процентном отношении) эстонское "Маккаби" было, пожалуй, самым массовым.

Среди спортсменов "Маккаби" было немало настоящих, я бы сказал лучших друзей отца. Некоторые из них бывали у нас дома, летом частенько приезжали к нам на дачи. Для меня, горячего их поклонника, ну и для отца, конечно, каждый их визит был праздником. Особенно памятны мне зимние выезды отца с друзьями за город, куда меня частенько брали. Отец "одалживал" на фабрике

лошадей, запрягал их в сани-дровни, сажал в них "неспортивную часть" участников выезда, а спортсмены следовали за нами на лыжах, прицепившись за сани лыжными палками. Бывало, что в таких мероприятиях участвовала и моя тетьа Тамара (сестра отца), а моя мать, к великому моему сожалению, была далека от всего этого. Даже на международные Маккабиады она своего мужа - руководителя спортивной делегации Эстонии - сопровождала только единожды, хотя он её каждый раз очень

звал с собой.

А наше с Иосиком золотое детство, тем временем, продолжалось. Мы, по-прежнему, росли барчуками, ни в чём не нуждаясь. Но, оглядываясь назад, для меня остается открытым вопрос: почему нас с ним ничему не учили - ни музыке (хотя у меня, например, к этому были явные способности), ни чему-нибудь ещё. Возможности были. Отец не мог не помнить, как много внимания уделялось развитию детей в его семье. Но, увы... В детский сад (он был ивритский) меня отдали только за год до школы. То же повторилось затем и с Иосиком. Почему так поздно? Не ясно.

Мой детский садик располагался в явно не приспособленном для этого помещении - в квартире на втором этаже деревянного дома на Тарту маантеэ (напротив нынешнего торгового центра «Штокман»). Детей было немного.

Пытались обучать нас разговорному ивриту. Запомнился эпизод, когда нас, десять детей, выстроили в шеренгу и «присвоили» каждому цифру, назвав её на иврите. В садике был только один толстяк, остальные - довольно худые (что, в общем-то, не характерно для евреев). Так получилось, что этот толстый мальчик оказался в строю десятым и его назвали на иврите "эсер". На идиш, который там знали все дети, это слово означает едок. Поэтому, то, что на иврите толстяка называют едоком очень развеселило нас. Обиделся только виновник нашего веселья и полез в драку. В ответ мы дали ему ещё более хлесткое прозвище: фресер, что на идиш означает обжора. Конфликт в детском коллективе стал обостряться. Но толстяк вышел из положения очень достойно. Дело в том, что у него был редкий талант художника и в свои шесть лет он мог на любого из нас делать меткие, острые и при желании обидные шаржи в стиле Бидструпа. Это своё оружие он и пустил в ход по полной программе и вскоре уже никто больше не осмеливался называть его фресером. Впоследствии из него получился прекрасный художник-декоратор. На осмотр оформленных им, например, витрин универсама «Каубамая» в Таллинне экскурсоводы водили даже туристов.

В 1938 г. я пошёл в школу, естественно, в еврейскую гимназию. Обучение в гимназии велось на одном из двух языков: либо на иврите (в классах "А"), либо на идиш (в классах "Б"). Учёба в гимназии была платной, но еврейские дети из бедных семей от платы за обучение освобождались. Не знаю по какой причине, но в классах "А" бедных детей не было. Мои родители, не стремясь к воспитанию меня в сионистском духе, хотели отдать меня в класс "Б", но этому категорически воспротивились мои бабушка с дедушкой. Разразился нешуточный скандал, в результате которого мои папа с мамой уступили и отдали меня в класс "А". При этом меня переименовали из Лейбале («львёнка» на идиш) в Хаима («жизнь» на иврите), т.е. стали называть первой частью моего двойного имени Хаим-Лейб. Я, как и все остальные дети в классе, конечно, иврита не знал (за один год в ивритском детском саду я не мог научиться языку). Поэтому и в первом, и позднее во втором классе учителя были вынуждены общаться с нами на идиш, приобщая нас к ивриту постепенно. Толку от этого, как оказалось, было мало: никто из детей после двух лет обучения так на иврите и не заговорил, хотя ученики более старших классов знали иврит неплохо (среди них была, например, Лина Абель, проживающая ныне в

Мигдаль ha'Эмеке. Ей сейчас более 80 лет). Но конец моему безоблачному детству был уже близок.

Война и оккупация Эстонии

1 сентября 1939 г. в Европе началась Вторая мировая война. За несколько дней до этого, как мы теперь знаем, по инициативе Сталина между ним и Гитлером (точнее по их поручению Министрами иностранных дел Молотовым и Риббентропом) был подписан секретный Протокол о разделе Восточной Европы, согласно которому Советскому Союзу доставались часть Польши (так называемые Западная Украина и Западная Белоруссия), страны Балтии и Финляндия. Финской армии во главе с Маннергеймом удалось отстоять свою государственную самостоятельность, правда ценой потери части своей территории. Остальные же не стали сопротивляться советским войскам. Эстония была оккупирована 17 июня 1940 г. и с этого дня для нашей семьи началась новая жизнь, очень мало похожая на прежнюю.

Этим летом по российскому телевидению выступали современные историки, которые на основе открывшихся недавно архивных документов утверждали, что Гитлер в 1939 году искренне был готов к сотрудничеству со Сталиным и не помышлял о нападении на СССР. По их мнению, войну с Германией спровоцировал Сталин тем, что в начале 1940 г. сверх оговоренного подписанным Протоколом оккупировал ещё и румынскую Бессарабию. Это очень возмутило, а главное испугало Гитлера, так как советские войска оказались теперь в непосредственной близости от главных (а может тогда и единственных) источников нефти для немецкой армии. И вот только тогда Гитлер задумал напасть на СССР и отдал приказ о разработке соответствующего плана, известного в истории как План Барбаросса.

Зима 1939-1940 гг. была беспокойной не только в тех странах Европы, где шли военные действия, но и в Эстонии.

Рядом героически сражались за свою независимость братья эстонцев по крови - финны. Делались даже попытки отправить в помощь Финляндии отряды эстонской армии, но из этого ничего организованного не получилось: в рядах финской армии удалось повоевать только отдельным эстонцам - добровольцам из числа кадровых военных специалистов. По другую сторону Эстонии, в Литве, немцы оккупировали город Клайпеду (тогда Мемель) и прилегающие к нему районы. Сделано это было в соответствии с "Протоколом Молотова-Риббентропа", о котором в то время в Эстонии и вообще в странах Балтии ничего не знали. На территории самой Эстонии в конце 1939 г. были созданы две советские военно-морские базы: одна в городе Палдиски, другая на острове Сааремаа. Не согласиться на ультимативное требование СССР об этом эстонское правительство не смогло. Напряженность чувствовалась во всем, хотя внешне до июня 1940 г. в Эстонии всё как будто оставалось по-прежнему. Это касалось и нашей семьи, где единственным следствием той напряженки было принятое родителями весной решение: не выезжать в этом году летом на дачу.

И вот наступил роковой для Эстонии и для нашей семьи день 17 июня 1940 года - день оккупации Эстонии советскими войсками или как это сейчас называют в России - день принудительного присоединения Эстонии к СССР. Для нас и для людей нашего окружения это было полной неожиданностью, во всяком

случае так это отразилось в моей детской памяти. Всё прошло довольно быстро и мирно. В Таллинне, например, только ночью в течение нескольких часов была перестрелка между эстонскими военными, не подчинившимися приказу своего руководства, и красноармейцами. Происходило это на так называвшихся тогда "полицейских огородах" - прямоугольнике, образованном улицами Крейцвальди, Кундери, Пронкси и Гонсиори. Такое название этого места сохранилось с того времени, когда там действительно выращивались овощи для нужд полиции. Во времена моего раннего детства эта площадка использовалась, в частности, и для "выгула" нас - детей близрасположенных "безземельных" детских садов. В послевоенное время там был разбит безымянный парк.

В том, что процесс неизбежной оккупации Эстонии советскими войсками прошёл практически бескровно, заслуга в основном тогдашнего Президента Эстонии Константина Пятса. Некоторые из его ближайших сподвижников во главе с по-прежнему очень популярным в народе генералом Лайдонером требовали, чтобы Эстония, объединившись с другими странами Балтии, оказала советской армии сопротивление, подобно финнам. Лайдонера поддерживал Президент Латвии - профашист Ульманис. Маленькая же в то время Литва (*по договору 1920 года СССР сохранил за собой значительную часть прежней Литовской губернии с её столицей Вильнюсом, а немцы "отхватили" ещё и район Клайпеды*) своего голоса не имела и была согласна действовать "как все". В этой обстановке своё веское мнение сумел отстаивать Пятс. Он понимал и убедил в этом остальных, что все страны Балтии вместе взятые несравнимо слабее Финляндии, заблаговременно подготовленной Маннергеймом к войне с Советским Союзом, и поэтому надо подчиниться превосходящей силе противника, чтобы сохранить свой и так очень малочисленный народ. Помощи же извне было ждать неоткуда.

Несмотря на, как бы, добровольную сдачу Эстонии Советам, новые власти всё же учинили жестокую расправу над спецслужбами ("Кайцелийтом" и др.) и руководством эстонской армии. По опубликованным в начале 90-х годов в Эстонии данным, летом 1940 г. без суда и следствия было расстреляно более 500 человек. И это при том, что рядовые и младший офицерский состав армии, после допросов, были отпущены по домам (об этом мне рассказал Копл Свитский, служивший в то время в эстонской армии рядовым). Первые же лица государства были вывезены в Россию. Генерал Йохан Лайдонер был осуждён за совместную с Юденичем контрреволюционную деятельность против Советской России в 1918-1919 гг. и умер где-то в тюрьме или в лагере в возрасте 69 лет.¹ С президентом Константином Пятсем обошлись более гуманно: он был изолирован от общества и от своей семьи, а все послевоенные годы провёл где-то под Москвой в психиатрической клинике в отделении для выздоравливающих. Умер он в 1956 г. в возрасте 82 лет. В 1993 г. его прах был перевезен в Эстонию и торжественно захоронен в родовом поместье недалеко от Хаапсалу. А перед этим по эстонскому телевидению был показан короткий документальный фильм о последнем местожительстве К.Пятса. В фильме было и интервью с нянечкой, которая там ухаживала за ним. Эта довольно древняя уже старушенция очень тепло о нём отзывалась, вспоминала много интересных подробностей о его тамошней жизни.

В конце июля 1940 г. в Эстонии были проведены выборы. Подозреваю, что проходили они по советскому образцу в стиле "одобрямс", т.е. без выбора: избирателям был предложен только один список кандидатов, без какой-либо альтернативы. В результате 21 июля новое "избранное" руководство объявило

¹ Генерал Лайдонер умер 13 марта 1953г. во Владимирской тюрьме (МР).

Эстонию Социалистической Республикой, а 6-го августа "попросилось" в состав СССР. Началась 50-летняя история ЭССР.

Мой отец всё это очень сильно переживал. Начальный этап тех событий он считал неизбежным и потому правильным: действительно, сталинский социализм лучше гитлеровского фашизма, особенно для евреев. Поэтому ввод советских войск в Эстонию он считал в значительной степени оправданным. Но эти "выборы" и последующее полное подчинение Эстонии диктату Москвы совершенно выбили его из колеи. Несколько дней он не выходил из дому, даже не ходил на работу. Он понимал, что его прежняя жизнь рухнула вместе со всеми надеждами и иллюзиями, что теперь придётся жить по-новому и неизвестно как.

Наша семья одна из самых первых почувствовала на себе новую власть. Дело было в Рубановиче - хозяине дома, в котором мы жили. Он всё время мечтал вместе со своей женой перебраться в Палестину, но замешкался, и выехать не успел. Тогда, в первые же дни советской оккупации, он обратился к новым властям с предложением принять от него подарок - прекрасный жилой дом. В ответ он попросил "всего лишь" разрешить ему с женой выехать через СССР в Палестину. Естественно, новым начальникам требовалось срочно жильё, а так как взаимоотношения с местными властями ещё не были определены и просто отобрать у граждан их квартиры оккупанты тогда ещё не решались, то они ухватились за предложение Рубановича и сделка состоялась. В результате все жильцы дома получили предписания: к первому июля освободить квартиры. Так, на два месяца раньше других семей в городе, мы лишились прекрасной обжитой нами квартиры. Но это было только начало...

В июне-июле 1940 г. найти квартиру в Таллинне не было проблемой. Но внезапность нашего выселения из квартиры оказалась для моих родителей настолько неожиданной, что они не уложились в указанный срок и поэтому с благодарностью приняли предложение родителей моего отца поселиться нам всем в их квартире. Мои бабушка и дедушка в то время снимали верхнюю половину двухэтажного особняка, расположенного на Нарва мнт. на противоположной от Пединститута стороне улицы, несколько ближе к Кадриоргу. В квартире было пять спален и довольно большой салон. Была ещё вместительная кухня и при ней, как было принято в то время - комнатка-каморка для прислуги (кухарки). Проживали в квартире: бабушка Рива, дедушка Мейер и приживалка по имени Гитл. Ещё жила в доме кухарка, которая служила у них с юных лет. На её глазах в Выру выросли все дети этой семьи.

В такой большой квартире наши обе семьи разместились свободно. Небольшую "проблему" составили нам только наши кухарки: обе были с норовом и привыкли быть единоличными полновластными хозяйками в своём доме. А тут нашей Марие пришлось подчиняться другой такой же кухарке, только оказавшейся старше её по положению (да и по возрасту тоже).

И ещё, в квартиру не поместилась большая часть нашей мебели и её пришлось где-то временно складировать (кажется её сложили в каком-то помещении на территории лесопилки). Среди той мебели было и пианино, только что подаренное мне уезжавшим в Палестину Рубановичем. В квартире уже был рояль и тащить туда второй инструмент не стали.

Мебель в квартире была добротной, удобной и простой (без излишних украшений), но не модной (в сравнении, например, с нашей временно

складированной). Исключением являлась роскошная мебель салона. Она была вся сделана из красного дерева, богато украшена позолоченной инкрустацией и подобрана с большим вкусом. В целом салон выглядел по-царски, во всяком случае в моём детском воображении. Огорчало меня лишь то, что всё это великолепие было покрыто белыми чехлами, которые снимались только в очень редких особо торжественных случаях. Чехлы были сшиты по "индивидуальной" мерке каждого изделия и позволяли свободно пользоваться мебелью в повседневной жизни. У меня же с тех пор сохранилась устойчивая "аллергия" на всякого рода чехлы.

Прожили мы в этом особняке недолго, всего около двух месяцев. Как мы и предполагали, на такой "домик" новые власти быстро "положили глаз" и вскоре нам предписали освободить его в двухнедельный срок. К тому времени наши две семьи хорошо сжились, даже кухарки стали меньше цапаться. Поэтому было принято решение и дальше жить вместе. Мы довольно быстро нашли шестикомнатную квартиру в деревянном двухэтажном четырёхквартирном доме в Кадриорге на тихой улице Койдула. Мы тогда наивно полагали, что из такого домика нас уж точно не выселят. Но в октябре месяце нас попросили и оттуда.

Бабушка с дедушкой решили больше не искушать судьбу и, после более чем десятилетнего перерыва, вернулись в Выру в свой дом вместе с Гитл и своей бессменной кухаркой. В этом доме им суждено было прожить оставшиеся до их ареста месяцы. Мы же кинулись искать себе новое жильё, но к тому времени (октябрю 1940 г.) в Таллинне с квартирами были уже проблемы и в отведённый нам двухнедельный срок мы так и не сумели найти себе отдельную квартиру. В результате наша семья поселилась в двухэтажном четырёхквартирном деревянном доме на тихой тогда улице Рауа. Дом стоял (да и сейчас стоит) несколько в глубине от тротуара улицы и перед ним был довольно большой сад с многочисленными кустами различных красивых цветов. Квартира наша располагалась на втором этаже и выходила окнами на улицу. В ней были четыре комнаты, кухня с каморкой для прислуги, туалет и ванная с дровяной колонкой. Планировка квартиры была очень несуразной, так как две большие (по 22 кв.м каждая) комнаты были проходными и только через них можно было попасть в спальни, располагавшиеся за каждой из них.

"Коммунальность" квартиры заключалась в том, что одна из спален (14 кв.м) была зарезервирована властями для проживания в ней советской гражданки - сотрудницы одной из войсковых частей. Таким образом для нашей семьи оставалась только одна непроходная комната (18 кв.м), которая стала спальней родителей и одновременно "кабинетом" для меня - школьника. Спали же мы с Иосиком в проходной комнате, служившей нам всем ещё и столовой.

Вторую проходную комнату мы были вынуждены как бы сдать нашему дальнему родственнику Гарри (Ханох) Интрелигатору, которому тогда негде было жить. Его мать Шейна была двоюродной сестрой моего деда Мейера и умерла, когда Гаррику был всего годик. Этот молодой (1913 г. рождения) холостой парень был барабанщиком в оркестре какого-то ресторана и приходил домой только ночевать (и то не всегда). Поэтому мы пользовались его комнатой как своей гостинной. В ней стояло и моё пианино. На нём Гарри изредка с вдохновением "выдавал" прекрасные джазовые импровизации, от которых я балдел. В октябре 1941 г. этот талантливый музыкант был расстрелян немцами в числе других евреев Эстонии, не пожелавших эвакуироваться в Россию.

Продолжала с нами жить и наша Марие. Она все же добилась своего, и

выполняла все свои прежние обязанности, только теперь бесплатно, так как платить ей мои родители уже не могли.

Через пару недель объявилась и наша квартирантка. Она оказалась тихой скромной запуганной своим начальством женщиной. Ей было лет 30. Утром рано за ней приезжала машина и вечером, где-то после пяти, привозила её обратно. Она редко выходила из своей комнаты, да и вообще из дому. С нами была приветливой, любила поболтать с моей мамой, но о себе ничего не рассказывала. Мы же тоже боялись откровенничать с ней. Поздно вечером 21 июня 1941г., за несколько часов до нападения Германии на СССР, неожиданно для нас за ней вдруг приехала машина. Она тревожно, но довольно тепло попрощалась с нами и больше мы о ней ничего не слышали.

А в Эстонии в целом после 6 августа 1940 г. жизнь стала довольно круто меняться. Так, были введены в обращение советские деньги. Курс этих денег по отношению к эстонской кроне был установлен явно заниженным: 1 рубль официально приравнялся к 1,25 кронам, в то время, как реально за рубль можно было купить не больше, чем за 30 эстонских сентов. Поэтому цены в рублях сразу же резко подскочили, а зарплата, соответственно, сильно упала. "Министерская" месячная зарплата моего отца в 500 крон превратилась в 400 рублей. На эти деньги наша семья прожить не могла и моей матери, после десятилетнего перерыва, пришлось пойти работать. Устроилась она довольно быстро, наверно помогло хорошее знание ею обоих государственных языков. Приняли её в какое-то учреждение по её прежней "специальности" - помощницей бухгалтера (т.е. счетоводом). Но, и получая две зарплаты, наша семья с трудом сводила концы с концами.

Другим судьбоносным для Эстонии событием стала проведённая в сентябре 1940 года национализация всей частной собственности. Так, в городах экспропрированы были все предприятия, на которых использовался труд наёмных работников, все жилые дома, в которых имелись сдаваемые в наём квартиры, а также все земельные участки, на которых эти предприятия и дома стояли. Чтобы производства не разваливались, бывших хозяев с предприятий не убирали. Их оставляли там, как правило, в качестве директоров. Так поступили, в частности, и с хозяином лесопилки Торвом, у которого мой отец продолжал работать, а в Пярну - с мужем моей тети Иды, владельцем пошивочной шляпной мастерской Абрамом Хаитовым.

У моего отца несколько изменился круг его служебных обязанностей: в Советском Союзе недопустимо было, чтобы человек сам себя контролировал, и поэтому на фабрике была введена должность приёмщика-контролёра готовой продукции. При этом, правда, у отца сократилась до восьми часов продолжительность рабочего дня, чему в доме были все рады.

Хуже обстояли дела в Выру с моим дедом Мейером: его полностью отстранили от дел, так как, во-первых, он был уже пенсионного возраста, а, во-вторых, на фабрике имелся назначенный им когда-то директор, которого не было причин увольнять. Заработанной пенсии у предпринимателя Мейера не было (и быть не могло), так что я не знаю, на что они там с бабушкой тогда жили.

Серьёзные изменения произошли и в нашей еврейской школе. Были полностью упразднены иврит и всё, что имело отношение к религии. Но преподавательский состав, в основном, сохранился. Только теперь, например, бывший учитель Танаха по фамилии Житомирский стал преподавать историю СССР

и в начале нового учебного года пришёл к нам в класс со словами: "Ну, слава богу, Бога нет!". Эта фраза стала крылатой и позднее частенько использовалась и моим отцом, и мною тоже. Но, тем не менее, еврейская школа, как таковая, тогда в Таллинне не была ликвидирована, хотя в большей части СССР таких школ к тому времени уже не было. У нас же и преподавание велось на идиш, и изучалась еврейская литература.

Приход советской власти в Эстонию отразился, конечно, и на моей детской личной жизни. С момента, как моя мама стала снова работать, меня некому стало особенно опекать, и я приобрёл для себя значительную, до того незнакомую мне свободу.

Первым событием явилось то, что мама летом отвезла меня в Пярну к Хаитовым и оставила там одного аж на целых три недели. Я всегда завидовал более свободной жизни своих кузин, а тут и я окунулся в неё. Мы чудесно провели вместе те недели: стояла прекрасная теплая погода и мы вчетвером целые дни проводили на замечательном пярнуском пляже, благо температура воды в море в то лето это позволяла. Тогда-то я и научился плавать, точнее - уверенно держаться на воде, не боясь глубины. А ещё мне нравилось в их доме смотреть на работу сестёр дяди Абрама, как они с молниеносной быстротой сшивали на машинках скроенные им шапки. Я мог подолгу наблюдать за ними, удивляясь ловкости их рук.

С началом учебного года и слиянием нашего ивритского "А" класса с идишистским классом "Б" в один третий класс, у меня появились новые друзья, в том числе и из бедных семей, с которыми я до того не общался. Особенно в тот год я сдружился с Бамами: с Абрамом, который жил потом в Кфар-Сабе, и его сестрой Идой (будущей Райхман), живущей сейчас в Хайфе. Он был на год старше нас с Идой. По какой причине он оказался с сестрой в одном классе я уже сейчас не помню. Каждое утро мы втроем встречались на углу улиц Рауа и Креуцвальди, дружно топали в школу (на улицу Кару), а после школы возвращались на это же место, где расставались до следующего утра.

Абрам считал своей обязанностью пополнять моё ущербное, по его мнению, образование и усиленно обучал меня всякой похабщине, о которой я, тепличный мальчик, и понятия не имел. Его сестра для виду возмущалась, но было ясно, что видеть превосходство своего брата надо мною-барчуком хоть в чем-то - это было ей очень приятно.

Но особенным новшеством в моей жизни того времени было знакомство во дворе с советскими ребятами, т.е. с детьми из другого мира. Оказалось, что комплекс воздвигнутых в 30-х годах на улице Рауа благоустроенных домов, расположенных напротив нашего дома, были заселены семьями офицеров Балтфлота (после изгнания из этих домов прежних жителей). Естественно, было там и много детей разных возрастов. Как они для меня, так и я для них оказался "интересным экземпляром", хотя русского языка я в то время не знал. Но я был единственным в округе аборигеном, пожелавшим с ними общаться. Не знаю, насколько помогло им общение со мной, но я, благодаря им, начал понимать русский язык и вскоре мои родители в общении между собой были вынуждены учитывать этот фактор.

Оглядываясь назад уже с позиции взрослого человека, не могу не отметить отличие этих детей от своих родителей: им (детям) было многое в диковинку и всё новое интересно. Взрослые же оккупанты, пусть самого низкого служебного уровня, всячески старались подчеркнуть своё превосходство: с одной стороны - имперско-

шовинистское (т.е. не забывайте, что имеете дело с представителями великой державы, способной раздавить вас, как букашку), а с другой стороны, как людей более прогрессивного, по их мнению, общественного строя, несущего свет и процветание всему человечеству.

Вспомнились ещё три эпизода из того первого советского и последнего предвоенного года. Как я уже упоминал, в том году я впервые получил кое-какую относительную свободу действий. Днём меня некому было контролировать и я, естественно, этим пользовался. Так, зимой у уличных мальчишек было увлечение: на финских санях прицепляться сзади к движущемуся по городу транспорту и суметь проехать таким образом возможно большее расстояние. Чаще всего нам удавалось прицепляться к конным саням (в те времена проезжая часть улиц зимой ещё не посыпалась песком, а малочисленные автомобили ездили с цепями на колёсах). И вот однажды, увлекшись, очень довольный своей удачной ездкой, я не заметил, как сзади меня настиг конный полицейский и от души огрел по спине нагайкой. Затем этот полицейский беззлобно рассмеялся, погрозил мне еще раз нагайкой и удовлетворённый ускакал. На мне был только фланелевый спортивный костюм, поэтому спина сразу же стала гореть, как обожжённая. Дома я очень боялся, что, если увидят мой рубец, мне сильно попадет, но обошлось: раздевался и мылся под душем я в то время уже сам, так что никто ничего не заметил. Но что такое полицейская нагайка я познал и запомнил на всю жизнь.

Второй эпизод связан с кумиром всех младших мальчишек еврейской школы - Евгением Баскиным, впоследствии Народным артистом Эстонии, основателем нового в Таллинне театра, которым ныне руководит его сын Роман. Баскин в еврейской школе был яркой личностью во всём: если была хоть какая-то публика, а она была всегда, то он творил чудеса. Он мог ловко побороть какого-либо верзилу, мог устроить смешную каверзу любому учителю, остроумно спародировать директора или завуча школы, ну и так далее. Запомнилась организованная им "шуточка": подкарауливать проезжавшие мимо школы конные сани и ватагой мальчишек вваливаться в них к перепуганному вознице, требуя покатать нас с ветерком. В случае естественного отказа последнего, он тут же начинал пафосную лекцию о наступившей в Эстонии демократии и необходимости изгнать всех собственников, не желающих катать в своих санях простой народ. Так как эта затея повторялась чуть ли не ежедневно по окончании занятий в школе, то возницы, сговорившись между собой, однажды устроили нам засаду: поймали Баскина и еще нескольких зачинщиков и повели в полицию. Нам, остальным, с большим трудом удалось отбить своих кумиров. Пришлось клятвенно пообещать, что "нападения" на сани больше не повторятся. Сдержать свое обещание оказалось не трудно, так как уже наступала весна и вскоре растаял снег.

Третий эпизод был связан с моим незнанием русского языка. Весной 1941 г. меня мама послала одного в парикмахерскую постричься. Я был очень горд таким доверием: "Вот, оказывается, какой я уже взрослый!". Ближайшая к нашему дому оказалась советская парикмахерская, где работали мастера, ни слова не знавшие по эстонски. На заданный мне вопрос "Как тебя постричь?" я не знал, как ответить. Тогда мастер спросил: "Наголо?". Я растерялся и кивнул... Ну и попало же мне тогда дома.

И вот наступил июнь 1941 г. 14 июня - день трагедии для жителей Эстонии. В этот день по приказу Сталина органы НКВД произвели массовую депортацию зажиточных эстоноземельцев: мужчин - в лагеря системы ГУЛАГ, а женщин и детей - на поселение в разные уголки бескрайней Сибири. Высылались в

основном те, у кого в сентябре 1940 г. была национализирована их собственность. Большинство депортированных были эстонцами, но и евреи составляли значительную часть сосланных, в процентном отношении - намного больше, чем была доля евреев в составе населения Эстонии. Всего было депортировано около 11000 человек. Официальная пропаганда объясняла вынужденность проведения этого мероприятия необходимостью вывести в тыл из приграничных районов Союза людей, потенциально враждебных советскому строю. По отношению к евреям такое утверждение было в высшей степени лицемерием, так как евреи ни в коей мере не могли стать пособниками немецко-фашистских захватчиков.

Депортация была проведена очень организованно и скрытно: заранее никто ничего не подозревал, а обыватель, которого она не коснулась, узнал обо всём этом только где-то неделю спустя.

Нашу семью депортация непосредственно не коснулась, но в числе сосланных оказались мои бабушка с дедушкой и семьи моих тётей - Иды Хаитовой и Тамары Ужванской (обо всем этом я уже писал).

А неделю спустя после этих событий началась Великая Отечественная война. В то солнечное воскресенье 22 июня мои родители, сговорившись накануне с друзьями, отправились с нами и их детьми на прогулку в Кадриорг. Часам к одиннадцати мы, дети, почувствовали какую-то тревогу в разговорах наших папаш. Вдруг они куда-то исчезли, а вернувшись к нам на полянку, сообщили о начале войны, о нападении фашистской Германии на Советский Союз. В Эстонии, в отличие, например, от России, в то время не было радиотрансляционной сети, а имевшиеся у населения радиоприемники были новыми властями отобраны ещё в 1940 г. Поэтому, учитывая, что по воскресениям газеты не выходили, жители Таллинна долгие часы в тот день оставались в неведении о случившемся. Некоторые, более наблюдательные, обратили внимание на большое число патрулирующих с самого утра в воздухе советских истребителей, чего раньше никогда не было, но никто не связывал это с началом большой войны.

Конечно новость всех ошеломила. Все кругом бурно обсуждали случившееся. У нас, детей, тоже "ушки были на макушке" и мы с интересом вслушивались в разговоры взрослых. А они сводились к одному: эта война не на долго, мощная советская армия быстро разобьёт войска фашистских захватчиков и очень скоро опять наступит мирная жизнь. Скептики старались не перечить оптимистам, чтобы зря не волновать своих близких, но, конечно, все понимали, что начинается новое непростое время и всем предстоят серьезные испытания.

Как известно, в первые месяцы войны территория Эстонии немцев вообще не интересовала. Все устремления гитлеровцев тогда были на Москву и Ленинград. В этой связи их внимание, конечно, было привлечено к Финскому заливу, а следовательно и к Таллиннскому порту, где в ту пору базировалась значительная часть советского Балтийского флота. Но и до нашего порта руки у них дошли не сразу, во всяком случае, в первые три недели войны его, как мне помнится, не бомбили ни разу.

Я в те дни был полностью предоставлен сам себе, делал что хотел и шлялся где попало. В городе в срочном порядке оборудовали целый ряд бомбоубежищ. Сигнал воздушной тревоги передавался сиреной всякий раз, когда в небе появлялся немецкий самолет-разведчик. Конечно, ни в какие бомбоубежища мы с мальчишками не спускались. В такие моменты мы, спрятавшись где-нибудь в

укромном открытом месте, затаив дыхание и задрал головы, с интересом наблюдали, как советские истребители прогоняли "гостя". Пару раз нам довелось увидеть воздушный бой, но как сбивают самолет мы, как ни старались, ни разу не увидели. Так прошли для меня первые две недели войны.

А взрослые тем временем готовились к нашей эвакуации в тыл Советского Союза. В городе был организован специальный эвакуопункт, который занимался формированием эшелонов и укомплектованием их желающими уехать. Но таких было немного: после насильственной депортации, проведенной советскими властями за неделю до начала войны, добровольно ехать в Советскую Россию мало кто хотел. Исключение составляли только евреи, но, к сожалению и они были весьма пассивны в этом вопросе. Мой отец и несколько других активистов ходили из одного еврейского дома в другой, уговаривая людей уезжать, но, увы: далеко не всегда наши агитаторы добивались успеха. Как мы знаем, все до единого, кто не послушался совета моего отца и его друзей, были в октябре-ноябре 1941 г. расстреляны немцами. Но уехавших было все же больше.

Эшелоны формировались из обычных пассажирских вагонов с открытыми купе (позднее их стали называть "плацкартными"). В составе каждого эшелона был продуктовый вагон. Продукты людям выдавал специально созданный (формально даже избранный) для этого поездной комитет. Набор продуктов был довольно богатый, как по ассортименту, так и по количеству. Одним словом, эвакуируемые уезжали от войны из Эстонии довольно комфортно, хотя и в тесноте. Так, в одном "купе" (две поперечные и одна продольная трёхъярусные полки) нас ехало десять человек: пятеро взрослых и пятеро детей. Плюс к этому у нас у всех было очень много багажа. Мой папа, провожая нас, уложил весь мягкий багаж на пол между двумя поперечными полками-скамейками, покрыл его одеялами и на этом общем не убиравшемся спальном месте мы - дети и один взрослый, спали вповалку всё наше почти месячное путешествие. Остальные четверо взрослых спали на полках второго этажа и на одной оставшейся нижней продольной полке.

А ехали мы в купе таким составом: мы трое (мама, Иосик и я), мамыны сестры Муся и Эстер, Наум (муж Эстер) и некая семья Вигдерхаус в составе матери с тремя дочерьми - старшая Дора (впоследствии закадычная подруга Леи Хаитовой) и младшие двойняшки - мои одноклассницы.

.....